

МОСКОВСКИЙ РЕПОРТАЖ

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ ТЕАТР

МХАТ на Тверском бульваре

В семьдесят пятый раз открыл в этом году сезон Московский Художественный академический театр имени М. Горького. К этому юбилею Москва построила для прославленного театра новое здание на Тверском бульваре. В ближайших днях в нем начнутся репетиции, а затем распахнутся двери для всех.

Но уже сейчас в редакцию приходят письма. Читатели просят рассказать: какой же он! По их просьбе наш корреспондент ведет репортаж из стен нового здания театра.

В СОВРЕМЕННОЙ архитектуре спроектировать театр — значит выполнить труднейшее задание. В его стенах размещается, с одной стороны, дворец, а с другой — машинное отделение, сложное, как на океанском корабле. (Одних только лебедок в новом здании 200!).

Проступая к проекту нового здания для МХАТ, архитектор Владимир Кубасов еще раз пришел в Художественный театр, построенный в конце прошлого века по проекту архитектора Ф. О. Шехтеля. Основатели МХАТ получили именно то, что хотели, о чем они говорили во время своей исторической 18-часовой беседы, когда мечтали о театре, где было бы хорошо не только артистам, но и его труженикам — актерам, рабочим сцены. Им выделялся театр с просторными репетиционными комнатами, светлыми комфортабельными уборными не только для примдонны и премьеры, но и для всех исполнителей, с просторной сценой, полной технических богатств, с отличными буфетами не только для зрителей, но и для артистов, порой днюющих в вочующих в здании театра без солнца и свежего воздуха.

Театр строился под девизом «Все — для искусства и для актера, тогда и зрителю будет хорошо». Как вспоминал Станиславский, денег на сцену и ее оборудование, на уборные артистов не жалели, тогда как до этого почти все средства вкладывались в фойе и залы для зрителей.

Даже получили новый театр, Невронович-Данченко хотел рядом с ним построить театр еще более обширный и общедоступный, выходящий фасадом в Столешников переулок. Только алчность хозяина земли, заломившего за нее баснословную сумму, не позволила реализовать идею. Она воплощена в жизнь в 1873 году архитекторами В. С. Кубасовым, В. С. Удальцовым, А. В. Маргулесом, конструктором А. П. Цикуновым и строителями треста «Мосжилстрой».

НАМ ВЫПАЛА сложная задача: учитывая традиции коллектива и его зрителей, создать такую архитектуру; композицию, которая соответствовала бы психолого-драматическому театру, каким является МХАТ. — Так формулирует задачу творческой группы архитектор Владимир Кубасов.

Дух МХАТ надо было воплотить в формах XX века. На новом месте требовалось создать не копию старого здания, а нечто такое, что могло бы воздвигать современников, напоминая им прошлое и устремив в будущее.

Фонари МХАТ зажгутся теперь на Тверском бульваре. Заметившись ввысь четырьмя медными большими подсвечниками, они сегодня привлекают внимание каждого прохожего. Под ними уже теперь назначают свидания. Над широким порталом, над стеной фасада, что, словно театральные занавес, растянулся вдоль бульвара, гирлянды фонарей своими квадратами напоминают те фонарики, что три четверти века горят в проезде Художественного театра.

На гранитных ступенях при трепете огней, беря на себя тяжелые двери, чувствуешь: тыходишь в храм искусства — театр.

Он начинается с вешалки, как свивал Станиславский. Об этом афоризме напоминают мерцающие на свету латунные крючки на 1.400 номерков, выполненные по рисункам архитекторов. И вообще здесь нет ничего, что было бы сделано «попроще». Все — неординарное.

Искусство МХАТ — не повторимо. Здание его должно быть таким же!

Основатели театра считали, что отделка его должна быть бросающейся в глаза ни в вестибюле, ни в зрительном зале — кругом ни одного яркого или золотого пятна, ничто не отвлекает внимания зрителей от главного — сцены. Все вокруг призвано располагать и радужно, воспринятию зрительского и одухотворяющего. Этот завет воплощен во всех интерьерах, в каждом уголке театра.

ЕГО ФАСАД облицован армянским туфом табачного цвета, внутри для облицовки стен применяли ясень. Это дерево, прочное, как дуб, пропитали во методу сибирских ученых сернокислыми солями, придав ему большую прочность и долговечность. Видны годовые кольца

дерева, декоративный узор, символизирующий необратимое время. А в целом павильон из ясени создают внутри театра господствующий цвет — оливковый, тот спокойный традиционный цвет МХАТ, что образует атмосферу уюта и интимности. Еще одно слагаемое интерьера — свет, люющийся незаметно из разных точек: с потолка, стен, даже из-под перил лестницы, что ведет высоко вверх — тут, как в старом здании, три яруса балконов.

Из главного вестибюля выход на широкий балкон. Прогулывался по нему, чувствуешь себя на Тверском бульваре. Ветви деревьев тянутся к стенам, а за ними — свой земный сад. Тяжкими брусками льда свешиваются хрустальные квадратные фонарики. Высокие, в рост человека, вазы из обожженной глины таят естественный желтый цвет. Они расписаны красками и рисунками, прочерченными острием по еще не высохшей массе.

Не из музея ля эти керамические изделия? Нет, перед нами работа нашего современника. Скульптор Владимир Сахненко создает эти вазы свои, известными только ему способом.

Так искали во всем — камне, дереве, мраморе, стекле. Новые формы находили сами, а когда никто не мог их воплотить в материале, засучивали рукава и превращались в штукатуров. Монтажили железной наскок выдвигали на монрой штукатурке глубокие рельефы. Брали в руки мастерки и проводили по бетонной стене от пола до потолка волнистые линии. Рисовали по бетону так, как выделось и как не умел никто. Сотни квадратных метров стен хранят автографы авторов нового здания — Кубасова, Удальцова, Маргулеса...

— Мы хотели исполнить наш долг, — говорит архитектор Удальцов, — и не жалели ни сил, ни времени. На это ушло десять лет.

Все двери ведут в зрительный зал, высокий и просторный, освещенный почти тремя сотнями почти трем сотнями ламп. Где бы ты ни сидел: в партере или в третьем ярусе — сцена видна отлично и слышно отлично. Акустика здания разработана при консультации известного московского акустика А. И. Качеронова. От самого удаленного места до сцены — 27 метров.

Еще одна цифра — 56 сантиметров. Такая ширина между подлокотниками зеленых кресел. Именно она определяла, что в большом новом зале количество кресел почти такое, как в старом. В кресле никому не тесно.

НИСПАДАЮЩИЕ ламы ярусов слонятся к сцене. Ступая по ней, видишь, что все, описанное до сих пор, — фойе, вестибюль, зрительный зал на 1.370 человек, — все это лишь малая часть огромного здания. Большая часть его — здесь, на сцене и вокруг нее — пол ногами, куда уходит подземные этажи, в над головой, где на высоте двенадцатитрехэтажного дома — колонниковые решетки. Основная часть здания предназначена для артистов и рабочих постановочной части.

Выйдя на сцену, отделенную от зала завесами, — парадным, антрактым и, наконец, тяжелым, прочным железным занавесом, способным выдержать напор огня и давление мощных пожарных газов, чувствуешь себя маленьким. Это чувство не скрадывается, а только усиливается связанными с подвешенного потолка проти-

завесами кулис. Туда, вверх, может быть поднято шестьдесят рядов декораций. Они же прутья в двух железных сейфах, что двигаются по рельсам вдоль стен. Каждый сейф — длиной в 17 метров, а высотой в 8.

В центре сцены вращается круг барабанного типа с подъемными столами. Вместе с ними вращается целый дом, уходящий своими атаками в глубину земли.

Там-то и я увидел железную махину поворотного круга, вращающегося по рельсам на десяти парах колес. У этих конструкций — залов, форм, моторов — видишь: театр вобрал в себя достижения машиностроения, а поднявшись на пульт управления светотехникой, попадаешь в мир электроники.

На этом пульте без объяснений главного специалиста по электронному оборудованию Владимира Ивановича Глебова (есть такая должность в театре), я бы не разобрался. На пульте установки «Старт-200», как показывает цифра названия, ровно 200 ручек управления. Ими можно зажечь любую из двухсот электрических ламп (не ламп!), состоящих из набора светильников разной яркости. Есть еще три сложнейших электронных устройств. Все они могли бы заслужить похвалу самого Саяма Мамонтова, первого заведующего электрической частью театра, проводившего увлекательные эксперименты по освещению и замыкавшего МХАТ множеством разных электрических устройств. С пульта можно менять цветные фильтры на прожекторах, поворачивать их куда надо по ходу действия, создавать из ламп сложные цветные картины...

КОГДА-ТО Станиславский в Невронович-Данченко обивал пороги отцов города, выискивая деньги, чтобы открыть МХАТ, начавшийся, как известно, в детском театре сада «Зритель», где богатоименный хозяин купец Щукин не ропсал потребовать ярыс. Денег на строительство второго театра ты и не нашлось: одна земля стоила свыше миллиона рублей.

Цена только осветительной электронного аппарата нового здания МХАТ достигает одного миллиона рублей. Основные средства, как и мечтали основоположники МХАТ, пошли на постановочную часть.

С большой сцены архитектор пролет меня на малую, предназначенную для репетиций. Ее зал на 120 зрителей напоминал отделкой своей грот. В этом гроте, между прочим, сцена тоже с поворотными кругом.

Вхожу в светлые залы. Пол выложен палубными брусками. Эти залы тоже предназначены для репетиций, которым столько внимания уделяли отцы МХАТ. Лифт поднимет в артистические уборные, обставленные мягкой мебелью, в удобные для работы костюмные, буфетские...

КОЛЬКО же всего помещений под этой крышей на Тверском бульваре?

— Свыше 700, — дал справку архитектор Владимир Кубасов, когда я закончил трехчасовое знакомство с залами, фойе, вестибюлями, буфетами и вешалкой, кабинетом главного режиссера, машинными отсеками, где натянута как струны толстые тросы лебедок. Тут всюду начинается теперь один театр — МХАТ. Ключи от него Москва отдает артистам.

Лев КОЛОДНЫЙ.